

СИHXPPPOH

СІНІ ТЕРН

ОЛЬГА ЕФИМОВА

18+

Ольга Ефимова

"СИНХРОН"

«Автор»

2026

Ефимова О.

"СИНХРОН" / О. Ефимова — «Автор», 2026

Они ненавидят друг друга. И обречены умереть вместе. Бывший снайпер спецназа Глеб и хирург-трансплантолог Анна приходят в себя в пустом ангаре с глушителями на шее. Незвестный по голосу объявляет: их сердца синхронизированы через имплантаты. Если пульс одного выйдет за пределы нормы дольше десяти минут — оба погибнут от разряда. Каждые двенадцать часов — новое смертельное задание. А их близкие — в руках куратора. Но это не просто эксперимент. Пять лет назад Глеб по ошибке убил брата Анны во время антитеррористической операции. Она мечтает уничтожить его. Но теперь их жизни связаны намертво: любая попытка убить друг друга станет самоубийством. Им предстоит не только выжить в аду, который кто-то назвал игрой. Им предстоит разгадать, почему выбрали именно их. И понять, что настоящая угроза не в имплантатах, а в правде, которая способна либо разрушить их окончательно, либо спасти. «Синхрон» — леденящий кровь триллер о смертельной привязанности, где любовь и ненависть бьются в одном ритме.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	5
Глава 1. Синхрон	8
Глава 2. Уровень адреналина	12
Глава 3. Улика	14
Глава 4. Двенадцать часов	17
Глава 5. Документы	20
Глава 6. Линия разрыва	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Ефимова

"СИНХРОН"

Глава

Пролог

Тишина была неправильной.

Глеб понял это раньше, чем открыл глаза. Такая тишина бывает только в заброшенных бункерах или... в могилах. Ни ветра, ни шума машин, ни обычного гудения города. Только бетонное эхо собственного дыхания — хриплого, неглубокого.

Он попытался пошевелить рукой. Получилось, но с трудом — конечности затекли, будто он проспал на холодном полу не меньше суток. Запах: ржавчина, машинное масло, пыль и... что-то металлическое, почти медицинское.

Второе осознание пришло ударом под дых. На шее — тяжесть. Холодный обод, плотно прилегающий к горлу. Глеб знал такие штуки. В его работе «глушителем» называли не только прибор для бесшумной стрельбы. Был и другой смысл — ошейник, блокиратор голоса, чтобы жертва не кричала.

Он резко сел, преодолевая головокружение. Правая рука мгновенно нащупала знакомые места — поясница, бедро, голень. Нет ни ножа, ни пистолета, ни запасной обоймы. Раздет до футболки и тактических штанов. Даже берцы сняли — остались только носки.

— Не дёргайся, — раздался женский голос слева.

Глеб повернул голову, и его навыки снайпера — способность замечать детали на расстоянии километра — сработали мгновенно.

Женщина. Тридцать с небольшим. Каштановые волосы спутаны, на лбу запёкшаяся кровь от рассечённой брови. Одета в испачканный медицинский халат поверх водолазки. Руки — длинные пальцы, аккуратные ногти — скованы пластиковыми стяжками спереди, но не слишком туго. Она сидела, прислонившись к ржавой опоре ангара, и смотрела на него с таким выражением, от которого у Глеба заныла старая пулевая в правом боку.

В этом взгляде читалась не просто боль или страх. Там была ненависть. Глубокая, выдержанная, как старый яд.

— Ты кто? — спросил Глеб, прочищая горло. Голос звучал глухо из-за глушителя.

— Твоя смерть, — ответила она без тени улыбки. — Но не сегодня. Сегодня мы, кажется, в одной лодке.

Она кивнула на его шею, потом на свою. Глеб только сейчас заметил, что на ней точно такой же глушитель — матово-серый, с тускло мигающим алым диодом сбоку. Он быстро осмотрел помещение. Пустой ангар, метров двести квадратных. Ржавые стены, высокий потолок с погасшими лампами, единственный запёртый стальной люк в дальнем конце. Больше ничего.

— Где мы? — спросил он, вставая на ноги. Колени дрожали — мышечная атрофия от долгого наркоза.

— Откуда мне знать? — Женщина попыталась подняться, но нога подвернулась, и она упала. Глеб на автомате протянул руку. Она проигнорировала его помощь, встала сама, опираясь о стену. — Я очнулась минут двадцать назад. Ты был в отключке. Я думала, ты мёртв.

— Обрадовалась? — спросил Глеб с кривой усмешкой.

— Очень, — честно ответила она. — Но если бы ты умер, я бы уже знала.

Глеб нахмурился. Что-то в её фразе было не так. Он открыл рот, чтобы спросить, но в этот момент над головой что-то громко щёлкнуло. По ангару разнёсся шипящий звук включившихся динамиков. Женщина вздрогнула и прижалась к стене. Глеб, не думая, сделал шаг вперёд, заслоняя её собой — инстинкт, вбитый годами службы.

— Приветствую, мои маленькие «синхроны», — раздался голос.

Он был изменён до неузнаваемости — синтезатор накладывал несколько тонов, превращая речь в механическое клацанье. Но интонации... в них чувствовалась насмешка, граничащая с безумием.

— Вы оба будете задавать много вопросов. Я дам только один ответ: вы в игре. Правила просты. Ваши сердца теперь соединены. Слышите? Буквально.

Глеб инстинктивно прижал руку к груди. Под кожей, чуть ниже ключицы, ощущался твёрдый маленький бугорок. Имплантат. Женщина — Анна, как он позже узнает — сделала то же самое.

— У каждого из вас в грудной клетке кардиостимулятор нового поколения, — продолжал голос. — Обычно они лечат аритмию. Моя версия лечит... непослушание. Если пульс одного из вас выйдет за пределы от сорока до ста пятидесяти ударов в минуту и продержится там дольше десяти минут, оба умрут. Разряд в двести вольт прямо в сердечную мышцу. Неприятно, поверьте. Смертельно.

— Ты псих, — выдохнула женщина.

— Возможно, — легко согласился голос. — Но вы будете жить по моим правилам. Каждые двенадцать часов — новое задание. Взломать. Убить. Спасти. Обезвредить. Вы — два инструмента, которые я подобрал на помойке судьбы. Снайпер и хирург. Смерть и спасение. Какая ирония.

Глеб молчал. Он оценивал расстояние до люка, возможные пути отхода, импровизированное оружие — кусок арматуры у стены. Голос его не обманывал. С таким врагом не торгуются.

— И последнее, — голос стал тише, почти ласковым. — Чтобы вы не расслаблялись, думая, что это просто бред сумасшедшего. Посмотрите на планшет у восточной стены. Он только что активировался.

Глеб обернулся. Действительно, на полу у стены загорелся экран. Они подошли ближе — женщина нехотя, но последовала за ним. На планшете шла видеотрансляция. Два квадрата.

В первом — пожилая женщина сидела в комнате без окон, сжимая в руках икону. Губы её шевелились в беззвучной молитве.

— Мама, — выдохнула женщина.

Во втором квадрате — маленькая девочка, лет семи, с косичками, спала на грязном матрасе, свернувшись калачиком.

Глеб почувствовал, как земля уходит из-под ног. Этот ребёнок был его жизнью, его единственным светом в том крошечном аду, который он называл существованием.

— Вика, — прошептал он так тихо, что динамики не должны были услышать. Но голос услышал.

— Да, Глеб. Твоя дочь. И твоя мать, Анна. Обе в моей власти. Будете хорошо играть — останутся живы. Ошибётесь...

Голос не закончил. Вместо этого динамики издали короткий пронзительный сигнал.

— Первое задание через двадцать минут. Обезвредите бомбу у выхода. Подсказка: если ошибётесь, имплантаты активируются раньше времени. Удачи. И не вздумайте убивать друг друга. Это будет... расточительством.

Связь оборвалась.

Воцарилась тишина — та же самая, неправильная. Но теперь в ней отчётливо бились два сердца. Глеб посмотрел на женщину. Она смотрела на него. И в её глазах он увидел не страх перед бомбой, не ужас за мать. Он увидел приговор.

— Ты даже не знаешь, кто я, — сказала она дрожащим голосом. — Но я знаю тебя, Глеб Варганов. Ты убил моего брата. Пять лет назад. И теперь мы будем жить с этим. Или умрём.

Она отвернулась и пошла к люку, оставив его стоять в центре ангара с единственной мыслью, которая была хуже любой бомбы.

Бывший снайпер спецназа, человек, который никогда не промахивался, только что понял: его самый точный выстрел в жизни стал самой большой ошибкой. И эта ошибка дышала сейчас в двух шагах от него, готовая убить, но не имеющая права.

Глава 1. Синхрон

Анна шла к люку, и каждый её шаг отдавался в висках тупой пульсацией. Она не знала, сколько прошло времени с того момента, как она очнулась. Сознание возвращалось обрывками: холодный пол, кляп во рту (сейчас его не было, но нёбо помнило ткань), резкий свет, который бил по глазам, когда кто-то в маске проверял зрачки. Потом была темнота. И вот — этот ангар. И он.

Глеб.

Она произнесла это имя про себя, и каждый слог отзывался болью в груди. Не от имплантата — от старой, незажившей раны.

Пять лет. Пять лет она строила свою жизнь заново. Закончила ординатуру, стала лучшим трансплантологом в городе, научилась не вздрагивать по ночам от каждого шороха. Но каждое утро, когда она смотрела в зеркало, она видела не своё лицо — а то, каким оно было в день похорон. Опухшее от слёз. Белое как бумага. И мать рядом — такая же белая, сжимающая иконку, которую теперь показывали на планшете.

Она не обернулась, когда Глеб окликнул её.

— Стой. — Его голос был низким, с хрипотцой. Голос человека, который привык отдавать приказы, но сейчас пытался говорить тише. — Ты сказала — брат. Артём?

Анна замерла. Внутри всё оборвалось. Он даже имя помнил. Он, сука, помнил имя человека, которого застрелил в упор.

— Не смей произносить его имя, — ответила она, не поворачиваясь. — У тебя нет на это права.

— Я хочу...

— Заткнись! — Она развернулась так резко, что глушитель на шее дёрнулся, и красный диод мигнул ярче. — Ты хочешь? Двадцать два года. Артёму было двадцать два. Он хотел жить. Он хотел стать врачом, как я. Он хотел... — Голос сорвался. Она заставила себя замолчать, потому что слёзы были роскошью, которую она не могла себе позволить. Не здесь. Не сейчас.

Глеб стоял в трёх метрах от неё, и его лицо было непроницаемым. Маска ветерана, подумала Анна. Они все такие — выученные не показывать эмоций. Но она заметила, как дёрнулся угол его рта, когда она закричала. Заметалась какая-то тень в глазах.

— Я не знал, — сказал он. — Мне сказали, что заложник. Террорист дёрнулся, я выстрелил на опережение. Это была доля секунды.

— Доля секунды, — повторила Анна. — Из-за твоей доли секунды я три года не разговаривала с матерью, потому что она обвиняла меня в том, что я не уберегла. Из-за твоей доли секунды у меня теперь аритмия, потому что сердце не выдерживает панических атак. Из-за твоей доли секунды...

Она не договорила. Потому что в этот момент динамики снова ожили.

— Какая трогательная встреча, — пропел голос куратора. — Но, дети мои, у вас есть задание. Бомба у выхода. Вам нужно её обезвредить. У вас сорок пять минут. Если не успеете — рванёт. Не сами бомба, разумеется. Она подорвёт ваши имплантаты. То есть, по сути, ... ваши сердца. Приятной работы.

Глеб уже не слушал. Он бросился к люку, осматривая его с профессиональной холодностью. Анна видела, как его пальцы — грубые, с мозолями на ладонях — скользили по стыкам, проверяя на наличие ловушек. Она ненавидела себя за то, что заметила, как уверенно он это делает.

— Сюда, — сказал он через минуту. — Не люк. Стена справа. Тепловое пятно.

Анна подошла ближе. Действительно, на ржавой стене, покрытой слоем старой краски, едва заметное пятно — другой оттенок серого. Глеб надавил — и панель бесшумно ушла в сторону, открывая узкий коридор.

В конце коридора, за матовым стеклом, что-то тускло мерцало.

— Ты умеешь обезвреживать бомбы? — спросила Анна. В её голосе прозвучало не любопытство — скорее, предъявление счёта.

— Умею, — коротко ответил Глеб. — Но не с закрытыми глазами. Ты врач. Мне понадобится твоя помощь.

— Моя помощь? — Анна усмехнулась. — Я скорее вскрою тебя на столе, чем помогу.

— Тогда мы оба умрём. — Глеб повернулся к ней, и впервые его голос потерял стальную невозмутимость. — Слушай, я не знаю, что у тебя в голове. И не знаю, как это заглядить. Но там, — он кивнул в сторону коридора, — твоя мать. И моя дочь. Если мы не выберемся отсюда, их убьют. Ты этого хочешь?

Анна сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

— Ты не имеешь права говорить о моей матери.

— Я имею право говорить о том, как спасти ей жизнь. — Глеб шагнул в коридор. — Идёшь?

Она пошла. Не потому, что хотела ему доверять. А потому, что другого выхода не было.

В комнате за стеклом стоял стол. На столе — прозрачный контейнер, внутри которого пульсировал красный свет. Вокруг контейнера — сплетение проводов, идущих к манекену в полный рост. Человеческий манекен, хирургически точный: с прорисованными венами, артериями, даже с искусственным сердцем, которое билось с частотой... восемьдесят ударов в минуту.

Анна замерла. Она узнала эту модель. Учебный манекен для трансплантологов, «Кардио-Сим 3000». На таких она училась делать пересадку сердца в интернатуре.

— Это не просто бомба, — сказала она, приближаясь. — Это гибрид. Взрывное устройство привязано к системе кровообращения манекена. Если перерезать не тот провод, манекен «умрёт» — давление упадёт, и бомба активируется.

Глеб стоял рядом, разглядывая схему на стене.

— Мне нужна карта. Где, какая артерия.

— Ты серьёзно? — Анна повернулась к нему. — Ты хочешь, чтобы я за пять минут научила тебя анатомии?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, какой провод резать. А я его перережу. У тебя руки в стяжках. У меня — нет.

Она посмотрела на свои запястья. Пластиковые стяжки действительно ограничивали движения, но не критично. Она могла бы работать и так. Но она не сказала ему об этом.

— Сначаланими их, — потребовала она.

Глеб достал из кармана — откуда, она не заметила — маленький нож. Не складной, медицинский скальпель. Очевидно, нашёл у неё в халате, пока она была без сознания.

— Не дёргайся, — сказал он, подходя вплотную.

Она почувствовала запах — пот, металл, и что-то ещё, что она не могла определить. Запах человека, который много раз смотрел смерти в лицо. Он аккуратно просунул лезвие между стяжкой и её кожей. Лезвие было острым — она даже не почувствовала, когда пластик лопнул. Сначала левая рука, потом правая.

— Спасибо, — вырвалось у неё прежде, чем она успела прикусить язык.

— Не за что, — ответил Глеб. — Теперь работай.

Анна подошла к манекену. Её пальцы — тонкие, чуткие, привыкшие к самому тонкому шёлку в хирургии — пробежали по проводам. Датчики давления, датчики пульса, система

обратной связи. Это было гениально и безумно. Кто-то превратил операцию на сердце в детонатор.

— Красный — это аорта, — бормотала она, почти не замечая, что говорит вслух. — Синий — лёгочная артерия. Жёлтый — верхняя полая вена. Бомба активируется, если пульс манекена упадёт ниже пятидесяти или поднимется выше ста двадцати. Нам нужно одновременно пережать два сосуда, ... но у меня только две руки.

— А у меня — две свои, — сказал Глеб. — Говори, что делать.

Она подняла на него глаза. Впервые за эти минуты она посмотрела на него не как на убийцу брата, а как на элемент уравнения.

— Ты должен будешь нажать на два клапана одновременно. Вот здесь и здесь. — Она показала. — С одинаковой силой. Если разница будет больше 0.2 секунды, система решит, что произошла эмболия, и бомба взорвётся.

Глеб кивнул.

— Я могу.

— Откуда такая уверенность? — спросила Анна с вызовом.

— Снайпер, — ответил он. — У меня натренирована синхронность рук. И я привык к счёту на миллисекунды.

Он встал рядом с ней, и она почувствовала тепло его тела. Это было отвратительно — чувствовать тепло человека, который убил её брата. Но она не могла отодвинуться, потому что расстояние между ними было продиктовано схемой.

— Считаю до трёх, — сказала она. — На «три» нажимаем.

— погоди. — Глеб перебил её. — Какой у тебя пульс?

— Что?

— Пульс. Твой. У меня сто двадцать. Если мы сейчас дёрнемся, стрельнёт вверх, и имплантаты поджарят нас раньше, чем бомба.

Анна прислушалась к себе. Сердце колотилось как бешеное. Она не знала цифру, но чувствовала, что перевалило за сто тридцать.

— дыши, — сказал Глеб. — Медленно. Как на операции.

— Не учи меня...

— Аня. — Он назвал её по имени впервые. И это прозвучало так, будто он знал её годами. — Ты — хирург. Ты работаешь в стрессовых ситуациях. Соберись.

Она закрыла глаза. Сделала вдох — медленный, на четыре счёта. Задержала дыхание. Выдох — на шесть. Её учили этому на курсах экстренной медицины. Сердце замедлилось. Она открыла глаза.

— Готов.

Глеб положил пальцы на два клапана. Анна встала так, чтобы видеть монитор манекена.

— Раз. Два. Три.

Он нажал. Одновременно. Идеально. Анна взглянула на монитор — пульс манекена упал до семидесяти, потом стабилизировался на восьмидесяти. Бомба мигнула зелёным и отключилась.

Тишина. Только гул вентиляции и два сердца, бьющихся в унисон.

— Есть, — выдохнул Глеб.

Анна отошла от него на шаг. Потом на два.

— Не приближайся ко мне, — сказала она. — Это была сделка. Не дружба.

— Я и не предлагал дружбы, — ответил Глеб. — Я предлагаю выжить.

Он пошёл к выходу из комнаты, но на пороге обернулся.

— Твой брат. Артём. Он был смелым? — спросил он.

Анна не ответила. Она просто смотрела на него, и в её глазах горело обещание. Обещание, которое она дала себе пять лет назад.

Когда-нибудь он заплатит.

Глава 2. Уровень адреналина

Они вышли из здания ангара через запасную дверь, которую открыла деактивация бомбы. Снаружи оказался ещё один ангар — больше, с высокими сводами и окнами под потолком, сквозь которые пробивался тусклый серый свет. Время суток определить было невозможно: небо затянуто плотными облаками, ни солнца, ни теней.

— Промзона, — определил Глеб, осматриваясь. — Зброшенный завод. Судя по конструкции, бывший ремонтный цех военной техники.

— Ты всегда такой всезнайка? — спросила Анна. Она растирала запястья, на которых остались красные полосы от стяжек.

— Привычка. — Глеб подошёл к окну, встал на цыпочки, пытаясь разглядеть, что снаружи. — Если я прав, то до ближайшего жилья километров десять. Пешком — часа два. Но у нас нет карты, нет компаса, и на шее ошейники, которые могут взорваться в любой момент.

— Умный какой, — буркнула Анна. — И что предлагаешь? Снять их кусачками?

— Только если мы хотим умереть. — Глеб повернулся к ней. — Эти штуки — не просто глушители. Они связаны с имплантатами. Любое механическое воздействие — и разряд. Я такие видел в Сирии. Их ставили на пленных, чтобы те не снимали ошейники.

Анна почувствовала, как по спине пробежал холодок. Она подошла к ржавому верстаку у стены и села на него, обхватив колени руками.

— Значит, мы в мышеловке. И этот псих — куратор, как он себя назвал — будет давать нам задания, пока мы не умрём от истощения или пока он не наиграется.

— Верно, — кивнул Глеб. — Поэтому нам нужно найти способ вычислить его раньше.

— Ты думаешь, он оставил улики? — Анна усмехнулась. — Он явно не идиот. И у него есть ресурсы. Имплантаты, камеры, бомбы.

— Все оставляют улики, — возразил Глеб. — Вопрос в том, умеешь ли ты их видеть. Ты — врач. Ты привыкла к деталям. Я — снайпер. Я привык к паттернам. Вместе мы сможем собрать пазл.

— Вместе? — Анна подняла голову. В её глазах снова вспыхнула ненависть. — Ты предлагаешь нам стать командой, Глеб? После того, что ты сделал?

— Я предлагаю нам не умереть в ближайшие двадцать четыре часа, — спокойно ответил он. — Твоя мать и моя дочь — заложники. Пока мы живы, у них есть шанс. Если мы начнём выяснять отношения, у нас не будет даже этого.

Анна хотела сказать что-то ядовитое, но в этот момент её желудок издал громкий звук. Она не ела неизвестно сколько. Глеб, услышав это, усмехнулся — впервые за всё время.

— Еда, — сказал он. — Первоочередная задача. Обыщи карманы. У меня — пусто, только скальпель и зажигалка.

Анна проверила свой халат. В левом кармане оказалась маленькая аптечка: бинт, пластырь, ампула адреналина, ампула атропина. В правом — связка ключей, не от ангара, скорее от дома или машины. И больше ничего.

— Ни еды, ни воды, — констатировала она. — Мы умрём от жажды быстрее, чем от разряда.

— Вода есть, — сказал Глеб, показывая на потолок. — Конденсат на трубах. Но пить её без кипячения рискованно. Кипятить не в чем.

Он обошёл ангар по периметру, заглядывая в каждый угол. Анна следила за ним взглядом. Он двигался бесшумно, как зверь. Даже на бетонном полу его шаги почти не звучали. Сколько же лет он провёл в спецназе, чтобы так ходить?

— Здесь был кто-то ещё, — сказал Глеб, останавливаясь у дальней стены. — Недавно. Видишь следы?

Анна подошла. На пыльном полу действительно виднелись свежие отпечатки обуви — несколько пар, все одинаковые, армейские берцы. Следы вели к большой металлической двери с кодовым замком.

— Запасной выход, — предположил Глеб. — Но он заперт. Код — шесть цифр.

— Ты сможешь подобрать?

— Нет. Я не взломщик. Я снайпер. — Он почесал затылок. — Но у нас есть связка ключей. Может, один из них — от этого замка?

Анна протянула ключи. Глеб перебрал их, примеривая к замку. Ни один не подошёл.

— Значит, эти ключи — для другого, — вздохнул он. — Оставим пока. Нужно думать, что делать дальше. Через одиннадцать часов новое задание.

— А если мы его не выполним? — спросила Анна.

— Умрём, — пожал плечами Глеб. — Или наших близких убьют. Выбор невелик.

Он сел на пол, прислонившись к стене. Анна опустилась рядом, но на расстоянии вытянутой руки.

— Расскажи про своего брата, — неожиданно попросил Глеб.

Анна вздрогнула.

— Ты серьёзно?

— Серьёзно. Я хочу понять. Я знаю, что убил его. Но я не знаю, кем он был. Расскажи.

— Зачем тебе? Чтобы успокоить совесть?

— Нет. Совесть у меня давно не болит. Я просто хочу знать, кто тот человек, которого я застрелил. Это минимальное уважение, которое я могу ему оказать.

Анна долго молчала. Потом заговорила, глядя в пол.

— Артём был младше меня на четыре года. Когда родители развелись, я осталась с мамой, он с отцом. Мы виделись редко, но он всегда был... — Голос дрогнул. — Он был добрым. Знаешь, есть люди, которые светятся изнутри? Он был таким. Хотел помогать всем. Сначала хотел в МЧС, потом решил, что врачом будет полезнее. Поступил в медицинский, на мой факультет. Мы учились вместе год, пока я не перешла на старшие курсы.

Она замолчала, сглатывая ком.

— А потом он бросил. Сказал, что хочет делать больше, чем просто лечить. Что в мире есть зло, с которым нужно бороться. Я не понимала. А он ушёл в какую-то организацию. Не говорил, в какую. Только что «важную миссию». А через полгода мне позвонили из морга.

— Он был под прикрытием? — тихо спросил Глеб. — В том теракте.

— Я не знаю. — Анна подняла глаза. Они блестели от слёз, но она не плакала. — Мне никто ничего не сказал. Похоронили его как гражданского. Только мать потом нашла в его вещах удостоверение. Какое-то, с грифом «секретно». Мы не успели его показать никому — на следующий день пришли люди в чёрном и всё забрали.

Глеб молчал. Он знал, что это значит. Артём был агентом. Возможно, внедрённым в ту самую сеть террористов, которую Глеб тогда зачищал.

— Мне жаль, — сказал он, наконец. — Я знаю, что эти слова ничего не значат. Но мне, правда, жаль.

— Плевать, — ответила Анна. — Твоя жалость не вернёт его.

Она отвернулась и закрыла глаза. Через минуту её дыхание выровнялось — она заснула. Или притворилась, что спит. Глеб не стал проверять.

Он сидел, смотрел на серый свет из окон и думал о том, что этот эксперимент — не случайность. Кто-то очень тщательно подбирал их. Снайпер, убивший невинного. Хирург, потерявший брата. И теперь их жизни связаны так, что смерть одного означает смерть другой.

Куратор знал эту историю. Более того — он строил на ней свою игру.

Вопрос был только в том: зачем?

Глава 3. Улика

Анне снился Артём.

Они стояли в старом парке, где гуляли детьми. Ему было лет пятнадцать — худой, длиннорукий, с вечно взлохмаченными волосами. Он что-то рассказывал, жестикулируя, и смеялся. Она не слышала слов, но чувствовала его тепло, его присутствие. А потом его лицо начало меняться — черты исказились, глаза стали пустыми, изо рта потекла кровь. Он упал на землю, и на груди расплылось красное пятно.

— Артём! — крикнула она и проснулась.

Глеб стоял над ней, и в руке он держал... планшет. Тот самый, на котором они видели трансляцию.

— Новое сообщение, — сказал он. — От куратора.

Анна села, вытирая лицо — она не заметила, что плакала во сне. Глеб протянул планшет. На экране мигала иконка сообщения.

«Доброе утро, мои синхроны. Вы хорошо справились с первым заданием. В награду — новая информация. Посмотрите файл, который я прикрепил.»

Анна открыла файл. Это была фотография. Документ — удостоверение личности. На фотографии был изображён молодой человек в военной форме. Подпись: «Ст. лейтенант Артём Волков, оперативный отдел ФСБ».

— Это... — выдохнула Анна. — Это его удостоверение. То, которое забрали.

— Твой брат был офицером ФСБ, — констатировал Глеб. — Значит, я убил не случайного заложника. Я убил сотрудника.

— Ты убил моего брата, — поправила Анна. — Разница минимальна.

Второй файл оказался аудиозаписью. Голос Артёма — Анна узнала его сразу, он срывался от волнения, говорил быстро, как докладывал:

«...операция провалена. Меня раскрыли. Куратор, если вы это слышите, знайте: нападавшие ждали нас. У них была информация. Кто-то слил данные. Я попытаюсь выбраться, но если нет — позаботьтесь о сестре. И о матери. Имя предателя...»

Запись обрывалась на полуслове.

— Имя предателя? — переспросил Глеб. — Он знал того, кто слил информацию террористам.

— И его убили, чтобы он не сказал, — закончила Анна. — Но при чём здесь ты? Ты был просто исполнителем. Кто-то привёл тебя на тот пост, кто-то дал команду стрелять.

— Никто не давал команду, — возразил Глеб. — Я действовал по обстановке. Увидел движение за спиной террориста — выстрелил.

— Ты уверен, что это было движение? — спросила Анна. — Или тебе показалось?

Глеб задумался. Он перебирал в памяти тот день — секунда за секундой. Прицел, душное помещение Дома Культуры, заложники на полу. Террорист с пистолетом у виска. И тень справа. Артём, пытавшийся обезоружить боевика. Но Глеб тогда не мог этого знать. Он видел только угрозу.

— Мне не показалось, — сказал он, наконец. — Но... возможно, меня подтолкнули. Или создали условия, в которых я не мог не выстрелить.

— Куратор, — прошептала Анна. — Он как-то связан с тем терактом.

— Или он — тот самый предатель, — добавил Глеб. — И теперь он играет с нами. Заставляет тебя работать со мной, мстить мне — но не даёт убить.

Планшет снова завибрировал. Новое сообщение.

«Умные детки. Продолжайте в том же духе. Следующее задание через 9 часов. Подготовьтесь. И да, вы не ослышались: тот, кто слил информацию, до сих пор на свободе. И он ближе, чем вы думаете.»

— Ближе, чем мы думаем? — Анна оглянулась на пустой ангар. — Он здесь? Среди нас?

— Вряд ли, — покачал головой Глеб. — Но он наблюдает. Камеры, микрофоны. Возможно, этот ангар — часть большого комплекса, и куратор находится где-то рядом.

Анна встала, разминая затёкшие ноги.

— Нам нужно обыскать это место. Все углы. Может, найдём что-то, что поможет.

— Согласен, — кивнул Глеб. — Я осмотрю технические помещения. Ты — бытовки.

Встречаемся через час.

Они разошлись в разные стороны. Анна прошла в узкий коридор, где, судя по табличкам, когда-то были раздевалки. Двери были открыты, внутри — пустота. Ржавые шкафчики, сломанные вешалки, запах мочи и плесени.

В третьей бытовке она нашла стол. На столе — старый ноутбук, покрытый пылью. Анна подошла ближе. Ноутбук был включён, на экране мерцала заставка — логотип медицинского центра, где она работала. Её центра.

Сердце забилось быстрее. Она села, провела пальцем по тачпаду. Экран ожил. Открыт был только один документ — медицинская карта. ФИО: Артём Волков. Диагноз: отсутствует. Но внизу — приписка: «Донорский орган: сердце. Реципиент: Анна Волкова (сестра). Совместимость: 87%».

— Что за бред? — прошептала Анна. Она не была реципиентом. У неё никогда не было трансплантации.

Она начала листать дальше. История болезни Артёма, его группа крови, резус, генетический паспорт. И в самом конце — ещё одна фотография. Артём в операционной. На столе, с открытой грудной клеткой. А рядом — хирург с лицом, закрытым маской.

Но Анна узнала этого хирурга. По рукам. По тому, как он держал скальпель. Это был её наставник, профессор Морозов.

— Глеб! — крикнула она, не в силах оторвать взгляд от экрана. — Иди сюда!

Глеб прибежал через минуту. Он увидел её лицо — белое, как мел — и сразу подошёл к ноутбуку.

— Что это?

— Это... — Анна сглотнула. — Это протокол операции. Артёма. У него якобы изъяли сердце для пересадки мне. Но я никогда не болела сердцем. И Артём был жив, когда его похоронили — в гробу было тело, я видела.

— Подделка, — предположил Глеб. — Кто-то создал фальшивую карту, чтобы запутать тебя.

— Но зачем? — Анна трясла головой. — Зачем показывать мне, что моего брата могли распотрошить как донора?

— Чтобы ты сомневалась. В нём. В себе. В том, что произошло на самом деле. — Глеб закрыл ноутбук. — Это психологическая война, Аня. Куратор хочет, чтобы мы перестали доверять своим воспоминаниям.

— Я и так не доверяю, — сказала Анна. — После этой записи я не уверена даже в том, что Артём был агентом. Может, всё это — ложь.

— Возможно. — Глеб вздохнул. — Но есть кое-что, что не может быть ложью. Имплантаты в наших грудях. Они реальны. И часики тикают.

Он посмотрел на свои наручные часы — единственная вещь, которая осталась при нём. Прошло уже 6 часов с момента их пробуждения. Осталось 6 до нового задания.

— Нам нужно поесть, — сказал он. — Я нашёл в техничке автомат с газировкой. Не работающий, но внутри есть пара бутылок. Воду можно выпить, она запечатана.

— А еда? — спросила Анна.

— Ничего съедобного. Придётся терпеть.

Они вернулись в главный зал. Глеб открыл ржавый автомат и достал две пластиковые бутылки — газировка без этикеток, но вода была чистой. Он протянул одну Анне.

— Пей маленькими глотками. Организм должен привыкнуть.

Она взяла бутылку, но не пила. Смотрела на Глеба, и в её взгляде было что-то новое — не только ненависть, но и... вопрос.

— Почему ты не пытаешься меня убить? — спросила она. — Или сбежать без меня? У тебя больше шансов.

— Потому что без тебя у меня нет шансов вытащить Вику, — ответил он. — Ты — врач. Я — солдат. Нам нужны оба.

— И всё? — усмехнулась Анна. — Никакого раскаяния, никакого желания искупить?

Глеб замолчал. Он долго смотрел в одну точку на стене, потом ответил:

— Я не верю в искупление. Есть только поступки. И я совершил непоправимый поступок. Но сейчас я совершаю другой: пытаюсь сохранить жизнь тебе, себе и нашим семьям. Это не искупление. Это ответственность.

Анна, наконец, отпила воды. Прохладная жидкость обожгла горло.

— Ты странный, — сказала она. — Обычно убийцы оправдываются. Или врут.

— А я не убийца, — возразил Глеб. — Я солдат, который ошибся. Разница есть.

— Для меня нет.

— Я знаю.

Они сидели в тишине, пока тусклый свет за окнами не начал угасать. Наступал вечер. А вместе с ним — новое испытание.

Глава 4. Двенадцать часов

Планшет ожил ровно через двенадцать часов после последнего сообщения. Куратор не стал тратить время на приветствия.

«Задание два. В десяти километрах от вашего ангара находится отделение банка «Атлант». Вам нужно проникнуть в хранилище и забрать ячейку №734. Внутри — документы, необходимые для вашего же выживания. Охрана — четверо вооружённых человек. У вас три часа. Если не уложитесь — имплантаты активируются. PS: не вздумайте сбежать. Ваши близкие всё ещё у меня.»

Глеб прочитал сообщение вслух. Анна слушала, и её лицо становилось всё мрачнее.

— Ограбление банка, — сказала она. — Ты серьёзно? Мы должны ограбить банк?

— Мы должны взять ячейку, — поправил Глеб. — Это разные вещи.

— И чем это отличается? Нас посадят.

— Нас убьют раньше, чем посадят. — Глеб встал, потянулся. — У нас нет оружия, нет машин, нет плана. У нас есть только три часа.

— И мои руки хирурга, — добавила Анна. — Которые не умеют стрелять.

— Зато умеют резать. — Глеб усмехнулся. — Ладно. Идём. Дорога займёт часа два, если идти быстрым шагом. Значит, на месте у нас будет час на проникновение.

Он направился к выходу из ангара. Анна — за ним, хотя каждый шаг давался ей с трудом: ноги болели, в голове шумело от голода.

Снаружи действительно оказалась промзона. Зброшенные корпуса, ржавые краны, груды металлолома. Небо окончательно затянуло тучами, начинал накрапывать дождь.

— Банк должен быть в жилом районе, — сказал Глеб, сверяясь с пришедшей на планшет картой. — Нам нужно пересечь пустырь, потом железнодорожные пути, потом спальный район. Держись рядом.

Они пошли. Глеб двигался быстро, почти бегом, но без лишнего шума. Анна едва поспевала. Через полчаса её дыхание сбилось, в боку закололо.

— Не могу, — прохрипела она. — Остановись.

Глеб обернулся, посмотрел на неё оценивающе.

— Плохо. У тебя низкий тонус. Ты вообще занимаешься спортом?

— Я хирург, а не спортсменка. Моя физкультура — десять часов у операционного стола.

— Ладно. — Он замедлил шаг, пошёл рядом. — Дыши носом. Ритмично. И не смотри под ноги — смотри вперёд.

— Не учи меня дышать.

— А я и не учу. Я помогаю.

Они прошли железнодорожные пути — старые, заросшие травой. Потом начались частные дома с покосившимися заборами. Признаков жизни не было — ни людей, ни собак, ни машин. Вымерший город-призрак.

— Здесь что, никого? — спросила Анна.

— Эвакуация? — предположил Глеб. — Или куратор специально выбрал безлюдное место.

Наконец они вышли к трёхэтажному зданию из серого кирпича. Вывеска: «Атлант-Банк. Отделение №3». Окна заколочены фанерой, но дверь — массивная, металлическая — была приоткрыта.

— Странно, — заметил Глеб. — Для банка днём — слишком тихо.

Он подошёл к двери, прислушался. Тишина. Потом — шаги. Один человек, тяжёлые ботинки.

— Назад, — шепнул он Анне.

Они отступили за угол. Из двери вышел охранник — в камуфляже, с автоматом наперевес. Не форменный, а скорее наёмник. Он огляделся, закурил, достал телефон.

Глеб оценил расстояние. До охранника — пятнадцать метров. Безоружный против автомата — безумие. Но у Глеба был скальпель.

— Сиди здесь, — прошептал он Анне. — И не высовывайся.

Он двинулся вдоль стены, бесшумно, как кошка. Охранник стоял к нему полубоком, увлечённый разговором по телефону. Глеб сократил дистанцию до пяти метров. Три. Один.

Он ударил. Левая рука — захват шеи, правая — скальпель к горлу.

— Тихо, — прошептал он на ухо охраннику. — Брось оружие.

Охранник дёрнулся, но лезвие уже коснулось кожи. Автомат со звоном упал на асфальт.

— Кто вы? — прохрипел охранник.

— Тот, кто задаёт вопросы, — ответил Глеб. — Сколько вас внутри?

— Четверо. Я крайний. Остальные в хранилище.

— Код от двери?

— Не знаю. Его только менеджер знает.

Глеб коротко ударил охранника рукояткой скальпеля по голове. Тот обмяк. Глеб подхватил его, оттащил в кусты, связал найденной в кармане верёвкой (профессиональный ремень) и заткнул рот кляпом из собственного носка.

— Аня, — позвал он. — Иди сюда.

Анна вышла из-за угла, глядя на бесчувственное тело.

— Ты его убил?

— Нет. Только вырубил. Нам нужно оружие. — Он поднял автомат, проверил магазин. Полный. Второй автомат — в кустах, он тоже забрал. — Держи, — протянул один Анне.

— Я не умею стрелять.

— Держи на всякий случай. Покажи, что ты вооружена. Внутри ещё трое.

Они вошли в банк. Холл был разгромлен — стулья перевернуты, стёкла выбиты. Глеб пошёл первым, держа автомат наизготовку. Анна — за ним, сжимая оружие дрожащими руками.

— Стой, — прошептал Глеб. — Слышишь?

Из глубины здания доносились голоса. Двое, спорили о чём-то. Третий, видимо, был у хранилища.

Глеб показал Анне знак — оставаться здесь — и скользнул в коридор. Через минуту раздались два глухих выстрела с глушителем. Потом — третий. Тишина.

— Чисто, — сказал он, возвращаясь. — Один убежал, но я его достал. Остальные двое нейтрализованы.

Анна прошла за ним. В коридоре лежали два тела в камуфляже. Живы, но без сознания.

— Ты их не убил?

— Убивать не входило в задание, — пожал плечами Глеб. — Куратор не просил трупов. Значит, лучше не рисковать.

Они подошли к хранилищу — массивная круглая дверь с электронным замком.

— Кода нет, — констатировала Анна. — Как откроем?

— Найдём менеджера. — Глеб обыскал карманы лежащих. В одном из них нашёл электронный ключ-карта. Он приложил её к считывателю. Дверь щёлкнула и начала открываться.

Внутри хранилища — ряд ячеек. Номер 734 — в самом низу. Глеб открыл её ломиком, найденным у стены. Внутри лежал кейс. Небольшой, чёрный, с кодовым замком.

— Открывай, — сказал Глеб Анне. — Ты врач, у тебя пальцы чувствительнее.

Анна взяла кейс. Покрутила колёсики замка. Услышала тихий щелчок — замок был не закодирован. Она открыла крышку.

Внутри — папка с документами. И фотография.

Фотография, от которой кровь застыла в жилах.

На ней были изображены Глеб и Анна. Вместе. Смеющимися. Обнимающимися. На заднем плане — море, пальмы, пляж. Словно они отдыхали где-то на курорте.

— Это... — Анна подняла глаза на Глеба. — Это фотошоп?

Глеб взял фотографию, перевернул. На обороте — дата: три года назад.

— Три года назад я был в Чечне, — сказал он. — Не на курорте. Это подделка.

— Или нет, — возразила Анна. — Что, если... что, если нас уже свели раньше? Если наш конфликт — инсценировка?

— Ты сама не веришь в то, что говоришь.

— Я не знаю, во что мне верить! — выкрикнула она. — Сегодня я узнала, что моего брата могли убить не случайно, что я могла получить его сердце, что мы с тобой... что мы...

Она замолчала, не в силах закончить фразу.

Глеб закрыл кейс и сунул его под мышку.

— Идём. Нам нужно вернуться в ангар до того, как имплантаты активируются. Осталось сорок минут.

Они вышли из банка и, не сговариваясь, побежали назад. Дождь уже лил как из ведра, но они не замечали холода. В голове у каждого крутился один и тот же вопрос:

Кто мы друг другу на самом деле?

Глава 5. Документы

Они вернулись в ангар за десять минут до дедлайна. Промокшие, дрожащие от холода, но живые. Глеб захлопнул за собой тяжёлую дверь, прислонился к ней спиной, переводя дыхание.

— Восемь минут, — сказал он, глядя на часы.

— И что теперь? — Анна опустилась на пол, сжимая кейс. — Нас просто убьют, если мы не отчитаемся?

В ту же секунду планшет ожил.

«Молодцы. Вы справились. Ячейка получена. Теперь откройте кейс и прочитайте вслух документы. У вас есть пять минут.»

Анна открыла кейс. Внутри, помимо фотографии, лежали несколько листов бумаги, скреплённых вместе. Первый лист — официальное письмо на бланке Министерства обороны.

— Читай, — сказал Глеб.

Анна начала читать вслух, и голос её дрожал:

«Совершенно секретно. Экз. №1. Заключение по результатам расследования инцидента в Доме Культуры г. Белореченска 12.03.2019.

В результате анализа видеоматериалов и показаний свидетелей установлено: огневой контакт с предполагаемым террористом, приведший к смерти ст. лейтенанта Артёма Волкова, был инициирован не действиями снайпера Глеба Варганова, а внешним вмешательством. В момент выстрела в оптический прицел снайпера было направлено лазерное излучение, вызвавшее временное ослепление и непроизвольное сокращение спускового крючка.

Таким образом, Глеб Варганов не может быть признан виновным в смерти Артёма Волкова. Лицо, применившее лазер, не установлено. Дело подлежит закрытию за отсутствием состава преступления.»

Анна опустила бумагу. Её руки тряслись.

— То есть... — начала она.

— То есть я не убивал твоего брата, — закончил Глеб. — По крайней мере, не преднамеренно. Меня ослепили. Кто-то хотел, чтобы Артём погиб.

— И этот кто-то — куратор, — сказала Анна. — Или его наниматель.

Второй лист оказался медицинским заключением. Анна пробежала его глазами, и её лицо стало ещё блее.

— Что там? — спросил Глеб.

— Это... результаты генетической экспертизы. Артём и я — не родные брат и сестра. Мы — неполнородные брат и сестра. Общий отец, но разные матери. И у Артёма... — Она замолчала, перечитывая строку. — У Артёма была редкая мутация гена MYBPC3, которая вызывает гипертрофическую кардиомиопатию. Он мог умереть внезапно в любую минуту.

— И поэтому тебе хотели пересадить его сердце? — спросил Глеб. — Как носителю здоровых генов?

— Да. Если бы у меня была такая же мутация, моё сердце тоже было бы под угрозой. Но у меня её нет. То есть... я могла бы взять его сердце и жить с ним, а его смерть была бы... не напрасной.

Она отложила бумаги и закрыла лицо руками.

— Господи, что за кошмар. Мой брат был болен. Он знал? Он знал, что может умереть в любой момент?

— Возможно, — тихо сказал Глеб. — И поэтому он пошёл в опасную операцию. У него не было времени ждать.

Третий лист был другим. Не официальным, а написанным от руки. Почерк — женский, нервный, с нажимом.

«Анна, если ты читаешь это — значит, я уже мёртв. Не вини Глеба. Он был пешкой. Как и я. Настоящий убийца — наш общий враг. Тот, кто создал этот эксперимент. Он хочет, чтобы ты ненавидела Глеба. Не дай ему этой победы. Прости. Артём.»

— Это подделка, — сказал Глеб, глядя на письмо через плечо Анны. — Или нет?

— Я не знаю его почерк, — прошептала Анна. — Мы не переписывались. Только созванивались. Но... это похоже на правду. Он всегда подписывал смс «Прости» почему-то.

Планшет ожил в третий раз.

«Теперь вы знаете правду. Глеб не убивал. Анна не должна мстить. Но ненависть не уходит по щелчку пальцев. Поэтому игра продолжается. Ваше следующее задание через 12 часов. Отдыхайте.»

Глеб выключил планшет и сел рядом с Анной. Она не отодвинулась.

— Ты веришь этому? — спросила она.

— Не знаю, — честно ответил Глеб. — Но я верю одному: мы должны выбраться отсюда и найти того, кто это устроил. А потом спросить у него лично.

— И что ты сделаешь, когда найдёшь?

Глеб помолчал.

— То, что должен был сделать пять лет назад. Защитить тех, кого люблю.

Анна подняла на него глаза. В них уже не было только ненависти. Появилось что-то ещё — сомнение, любопытство, слабая искра доверия.

— Моя мать, — сказала она. — Твоя дочь. Мы их спасём?

— Спасём, — ответил Глеб. — Или умрём, пытаясь.

Они сидели в полумраке ангара, и их сердца — теперь уже сознательно — бились в унисон. Сорок ударов в минуту. Спокойствие перед бурей.

До следующего задания оставалось одиннадцать часов.

Глава 6. Линия разрыва

Анна сжимала письмо брата так сильно, что бумага начала рваться. Глеб стоял в двух шагах, не решаясь приблизиться. Последние слова Артёма — «Не вини Глеба. Он был пешкой» — кружились в голове, не желая укладываться в стройную картину мира.

— Это не может быть правдой, — сказала Анна. Голос её звучал глухо, будто из-под воды. — Он не мог написать такое. Артём всегда был мстительным. Если бы кто-то его подставил, он бы хотел крови.

— Люди меняются перед лицом смерти, — тихо ответил Глеб. — Я видел это много раз. Когда понимаешь, что жить осталось минуты, прощение приходит легче.

— Не читай мне нотаций! — Она резко встала, и письмо выпало из рук. — Ты не имеешь права рассуждать о моём брате. Ты его даже не знал.

— Знаю только то, что он был агентом, что он рисковал жизнью и что в конце он думал о тебе и матери. — Глеб не повышал голоса. — Этого достаточно, чтобы понять: он был хорошим человеком.

— Был, — прошептала Анна. — Пока ты его не убил.

— Его убил не я. — Впервые в голосе Глеба прозвучала сталь. — Его убил тот, кто направил лазер в мой прицел. Тот, кто хотел, чтобы Артём погиб именно от руки снайпера. Тот, кто сейчас заставляет нас плясать под свою дудку.

Анна подняла на него глаза. Красные, воспалённые, но уже не такие полные ненависти.

— Ты веришь в этот отчёт? В то, что тебя ослепили?

— Я верю фактам. — Глеб подошёл к верстаку, где лежали бумаги, и взял первый лист — заключение Министерства обороны. — Здесь подписи экспертов, гриф секретно, исходящий номер. Такой документ трудно подделать. Но даже если это подделка — мы с тобой никогда не узнаем правду. Потому что единственный, кто может её рассказать, — куратор.

— И он не скажет, — горько усмехнулась Анна. — Ему выгодно, чтобы мы сомневались. Чем больше неопределённости, тем легче нами управлять.

— Поэтому мы не будем играть по его правилам. — Глеб сел на пол, скрестив ноги. — У нас есть двенадцать часов до следующего задания. Предлагаю потратить их не на взаимные упрёки, а на анализ того, что мы узнали.

Анна колебалась. Её естество хирурга требовало порядка, анализа, фактов. Эмоции мешали, но она умела их отключать — этому учили на первом курсе: не впадать в панику, когда пациент умирает на столе.

— Хорошо, — сказала она, наконец. — Давай по порядку.

Она села напротив Глеба, положив между ними бумаги как щит.

— Что мы имеем? — начала она. — Во-первых, заключение, что ты не виноват в смерти Артёма. Во-вторых, медицинское заключение о том, что Артём и я — полусиблинги, и у него была кардиомиопатия. В-третьих, письмо от Артёма, где он просит меня не мстить тебе.

— И четвёртое, — добавил Глеб, — фотография, где мы с тобой обнимаемся на пляже. Которой не может быть, потому что три года назад я был в Чечне, а ты — кто знает, где была ты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.